

ляла инерция восприятия Достоевского в Серебряном веке. И только со временем отношение к «Юности Достоевского» изменилось, причем сначала — у иностранных читателей.⁵⁰

Так что недаром работа Комаровича над этой статьей была долгой и мучительной — ведь именно здесь молодой исследователь освобождался от прежних стереотипов, от «биографической легенды» Достоевского и стремился к выработке методологии, способной привести к не обусловленным мифологической схемой, *не предсказанным заранее* научным результатам. Симптоматично и то, что одна из лучших на сегодняшний день работ о Достоевском 1840-х годов встретила у современников, в основном, критику и несогласие: разрушение устоявшихся в Серебряном веке представлений о писателе, пересмотр его «биографической легенды» вызвали неосознанное сопротивление даже у таких незаурядных исследователей, как Блок и Бем. А поэт, художник Садовской оказался более чутким, создав, под впечатлением новаторских идей Комаровича, этюд к непривычному еще для современников портрету автора «Белых ночей»...

⁵⁰ См. репринтное воспроизведение статьи в кн.: *O Dostoevskom: stat'i* P. M. Bitsilli, V. L. Komarovich, Iu. Tynianov, S. I. Gessen / Introduction by Donald Fanger. Providence, 1966. P. 75—115.

© Л. В. Хачатурян

**ДНЕВНИК ПОЭТА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК:
ДВЕ РЕДАКЦИИ «ЮНОШЕСКИХ СТИХОВ»
М. И. ЦВЕТАЕВОЙ***

Четвертая книга стихов М. И. Цветаевой занимает особое место среди ее поэтических сборников. Сама Цветаева выделяла «Юношеские стихи» среди своих книг. В отличие от «Волшебного фонаря» (1910) и «Вечернего альбома» (1912), бывших для нее «пробой пера» и имевших в значительной степени подражательный или ученический характер, этот сборник был задуман и подготовлен в полном соответствии с собственным жизненным и литературным манифестом. Тем не менее его издательская судьба складывалась настолько сложно, что даже сейчас, спустя столетие после создания, «Юношеские стихи» ни разу не вышли в России как отдельная книга.¹

Е. Б. Коркина обратила внимание на то, что Цветаева измеряла свое творчество поэтическими книгами: «Цветаева выстраивала такую „прямую“ своего творческого пути: „Вечерний альбом“ — „Волшебный фонарь“ — „Юношеские стихи“ — „Версты 1“ — „Версты 2“ — „Разлука“ — „Ремесло“ — „После России“, оставляя на обочине его следующие свои книги: „Из двух книг“ (1913), „Стихи к Блоку“ (1922), „Психея“ (1923)».² При жизни Цветаева сделала несколько попыток опубликовать «Юношеские стихи», самая известная из которых описана в очерке

* Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда. Проект № 14-18-019170, ВНИИДАД.

¹ Единственное издание, в котором полностью опубликована вторая редакция книги (предположительно, по списку из архива А. Е. Крученых): Цветаева М. И. *Неизданное: Стихи. Театр. Проза.* Paris: YMCA-Press, 1976. С. 5—92. Фрагментарно: Коркина Е. Б. О «Юношеских стихах» Марины Цветаевой // *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник на 1983 год.* Л., 1985. С. 120—125; Цветаева М. И. *Стихотворения и поэмы.* Л., 1990. С. 56—82 (Библиотека поэта. Большая сер.).

² Коркина Е. Б. О «Юношеских стихах» Марина Цветаевой. С. 124.

«Герой труда».³ Каждой попытке публикации соответствовала новая редакция книги.

В России находятся две редакции «Юношеских стихов» (1919—1920 и 1940 годов) и несколько списков.⁴ Еще одна редакция хранится в частном собрании В. А. Швейцера.⁵ Поскольку в подлиннике она не доступна, обратимся к первым двум.

Первая рукописная редакция «Юношеских стихов»⁶ написана на отдельных листах из тетради и блокнота «Для памяти», записи в котором сделаны теми же чернилами, что и письма Цветаевой января 1920 года.⁷ На основании этого редакция датируется зимой 1919—1920 годов.

К этому же времени относится одно из немногих упоминаний о работе над «Юношескими стихами» в письме Цветаевой к В. К. Звягинцевой и А. С. Ерофееву: «Готовила книгу — с 1913 г. по 1915 г. — старые стихи воскресали и воскрешали, я исправляла и наряжала их, безумно увлекалась собой 20-ти лет и всеми, кого я тогда любила: собою — Алей — Сережей — Асей — Петром Эфрон — Соней Парнок — своей молодой бабушкой — генералами 12 года — Байроном — и — не перечислишь!»⁸ Таким образом, «Юношеские стихи» создавались «двумя» поэтами: двадцатилетней Цветаевой 1913—1915 годов, времени «инициации»⁹ и первого литературного признания; и почти тридцатилетней, времени «Верст» (1921), голодной зимы 1920—1921 годов, поэтом в возрасте адресатов «Юношеских стихов» — «тридцатилетних» Петра Эфрона и Софьи Парнок.¹⁰ Первому поэту принадлежат события книги, «первоначальный» текст и датировка стихотворений; второму — правка и, важнейшее, дневниковая композиция книги.

³ Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 4. С. 12—63.

⁴ В настоящее время известны рукописная редакция 1919/1920 годов (РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 22) и машинописная 1919/1920 годов с правкой 1940 года (Там же). Среди списков «Юношеских стихов» наиболее известна машинописная копия, сделанная в 1940 году А. Е. Крученых со второй редакции с авторской правкой М. И. Цветаевой. Рукописная редакция доступна в Интернете на совместном сайте РГАЛИ и ИРЛИ РАН «Автограф. Электронный архив русской литературы». См.: http://tsvetaeva.literature-archive.ru/media/tsvetaeva/early_roems/index.html (дата обращения: 30.05.2016).

⁵ Машинопись с авторской правкой. На основе этой редакции подготовлены стихотворения, опубликованные в четырехтомном Собрании сочинений М. И. Цветаевой: *Цветаева М. И.* Стихотворения и поэмы: В 5 т. New York, 1980. Т. 1.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 22. Сборник состоит из отдельных листов. На листах архивная пагинация с 1 по 58 номер. Сохранилась авторская пагинация с 4 по 101 номер (с 5 по 43 отсутствуют). В авторской пагинации имеются пропуски: отсутствуют листы 62 и 77, введен номер 96 bis. Запись стихотворений 1—31 (4, 44—74 в авторской пагинации) выполнена на листах блокнота в клетку с перфорацией; на листах 8, 32—48, 50, 52, 54, 55 (50, 75—92, 94, 96, 97, 98) тетради в линейку. Записи на листах 49, 51, 53, 56—58 (93, 95, 96 bis, 99—101) — на листах блокнота «Для памяти» в клетку. В тексте присутствуют авторские зачеркивания одного слова (листы 3, 7, 10, 23, 40), строк и целых фрагментов (листы 25 и 28).

⁷ См. письма М. И. Цветаевой В. К. Звягинцевой и А. С. Ерофееву // РГАЛИ. Ф. 1720. Оп. 1. Ед. хр. 251.

⁸ Там же. Л.

⁹ С. Ж. Макашева разделяет эти этапы 1915 и 1916 годов: «В творческой эволюции М. И. Цветаевой можно выделить пять хронологических этапов. На первом этапе (1907—1915 гг.) принципом „творческого поведения“ является инициация, предполагающая отбор и пересоздание действительности в связи со становлением поэтической личности и движением мир взрслых. На втором этапе (1916—1920 гг.) центральным становится принцип идентификации, когда личность устанавливает индивидуальные черты (...) путем поиска тождеств и аналогий с универсумом» (Макашева С. Ж. Творческая эволюция М. И. Цветаевой: онтология, концепция личности. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2006. См.: <http://chelovek-nauka.com/tvorcheskaya-evolyutsiya-m-i-tsvetaevoy-ontologiya-kontseptsiya-lich-nosti> (дата обращения: 30.05.2016)).

¹⁰ Летом 1914 года (время создания стихотворного цикла «П. Э.») П. Я. Эфрону (1883—1914) 31 год. Осенью 1914 года (начало цикла, позднее названного «Ошибка» / «Подруга») С. Я. Парнок 29 лет.

«Дневниковый» характер творчества Цветаевой отмечал еще М. Л. Гаспаров. «Чтобы найти и утвердить собственный образ, чтобы стать непохожей на других — для этого молодая Цветаева выбрала свой собственный путь и держалась его очень последовательно. Это было превращение стихов в дневник. (...) Образцовое произведение дневникового жанра, на максимуме откровенности, было у всех перед глазами: „Дневник” Марии Башкирцевой; известно, как Цветаева поклонялась Башкирцевой и анонсировала в 1913 году книгу о ней. Но под влиянием Башкирцевой были многие, а превратила дневник в поэзию только Цветаева: для того чтобы осуществить такое скрещение жанров так последовательно, нужна была творческая воля и человеческая смелость».¹¹ Здесь имеет смысл добавить ремарку текстолога: превращение «стихов в дневник» и превращение «дневника в поэзию» неравнозначны. Цветаева шла именно по второму пути. Об этом свидетельствует ее архивное наследие. Пятьдесят четыре дневниковых тетради и тридцать пять рабочих четко фиксируют этот принцип: из записной книжки — в поэзию и прозу. «Дневникового» — не только творческая, но и, в первую очередь, жизненная стратегия Цветаевой.

В «Юношеских стихах» мы имеем дело не с литературной имитацией дневника или эпистолярия, характерного и для XVIII, и для XIX веков, а с поэтическим воплощением реального дневника, наследием символистов. Прообраз реального дневника мы видим и в двух первых книгах М. И. Цветаевой, «Волшебном фонаре» и «Вечернем альбоме». «При издании „Вечернего альбома” (...) Цветаева все-таки пошла навстречу удобству читателей и разнесла стихи по темам, по трем разделам, в зависимости от источников вдохновения: быт, душевная жизнь, читанные книги. (...) Когда через два года появился „Волшебный фонарь”, то отношение к нему оказалось гораздо прохладнее — именно потому, что в нем уже не было вызывающей новизны и он воспринимался читателями как самоповторение».¹²

Впервые Цветаева манифестирует этот принцип в предисловии к сборнику «Из двух книг» (1913), предшествовавшему «Юношеским стихам» и не включенному Цветаевой в «главный» список. Их связывает и эпитафия — стихотворение «Моим стихам, написанным так рано...» (13 мая 1913 года). В эпитафии, который с другими стихами дневникового сборника разделяет более года, «первый», двадцатилетний поэт заявляет о будущем своих «нечитанных стихов». И если строки «Разбросанным в пыли по магазинам / — Где их никто не брал и не берет...» в 1920-м году еще остаются актуальными (вспомним многочисленные попытки продать свои рукописные книги через «Книжную лавку писателей», исчезнут «из магазинов» стихи Цветаевой значительно позже), то о «нечитанных» стихах уже речи нет. Однако в 1913—1915 годах разрыв с первыми книгами еще не так велик. То, что было подтекстом первых двух книг, становится текстом «Юношеских стихов».

«Все это было. Мои стихи — дневник, моя поэзия — поэзия собственных имен. Все мы пройдем. Через пятьдесят лет все мы будем в земле. (...) И мне хочется крикнуть всем еще живым: Пишите, пишите больше! Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох! Но не только жест — и форму руки, его кинувшей; не только вздох — и вырез губ, с которых он, легкий, слетел. / Не презирайте „внешнего”! Цвет ваших глаз так же важен, как их выражение; обивка дивана — не менее слов, на нем сказанных. Записывайте точнее! Нет ничего неважного! Говорите о своей комнате: высока она, или низка, и сколько в ней окон, и какие на них занавески, и есть ли ковер, и какие на нем цветы?.. / Цвет ваших глаз и вашего абажура, разрезательный нож и узор на обоях, драгоценный камень на любимом кольце, — все это будет телом вашей оставленной в огромном мире бедной, бедной души».¹³ Каждую фразу из этого манифеста можно сопоставить со строкой сборника. Здесь будут и плетеный

¹¹ Гаспаров М. Л. Марина Цветаева: От поэтики быта к поэтике слова // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализ. Интерпретация. Характеристики. СПб., 2001. С. 136—137.

¹² Там же. С. 137.

¹³ Цветаева М. И. Из двух книг. М.: «Оле-Лукойе», 1913.

стул или chaise-longue (именно французский) Петра Эфрона,¹⁴ и «длинный жест» Софьи Парнок,¹⁵ и шаль, и руки лорда Байрона, с «ровными, как миндаль» ногтями,¹⁶ совершенно равноправные по отношению к реальности в дневниках Цветаевой.

Первые сохранившиеся дневниковые тетради Цветаевой относятся к сентябрю 1913 года. В это время Марина Цветаева вела так называемые «тематические» дневники. Нам известны записи, посвященные дочери,¹⁷ записи мыслей и характеристик¹⁸ только с декабря 1916 года.

Привычный нам цветаевский дневник с внутренними диалогами, прямой речью, датированными и недатированными записями формируется только к июню 1918 года.¹⁹ Личные дневники М. И. Цветаевой 1914—1915 годов не сохранились. Мы не можем проследить, что занимало мысли Цветаевой весной-летом (цикл «П. Э.») или в октябре 1914 года (знакомство с С. Я. Парнок). Пытаясь реконструировать творческую историю цикла «Подруга», С. А. Полякова использует бытовые записи, размещенные на обложке дневниковой тетради Цветаевой:

«у Сережи — со звездами
у меня — со звездами
и темный
у Сони — со звездами
для Али — маленький квадратный
Асе — один средний
Адел. Каз. — один средний».²⁰

«В этой же записной книжке 1915—1916 гг. читаем другую запись (очевидно, она относится к коктебельскому лету 1915 года), свидетельствующую о домашности, свойскости, близости отношений Парнок и Цветаевой: Парнок как бы включена в семью и наравне с другими ее членами входит в орбиту заботливого внимания Цветаевой: для нее Цветаева выбирает татарский коврик со звездами, обменивает прежде купленный, мудрит, чтобы порадовать Парнок подарком».²¹

Косвенным свидетельством, подтверждающим существование ранних дневников М. И. Цветаевой, могут стать записи дочери в ее дневниках и собственные дневники ее детей. Ведение дневника культивировалось в семье. «Писать дневник» и для Ариадны, и для Георгия с подросткового возраста входило в распорядок дня. Самый ранний из сохранившихся дневников Г. С. Эфрона датирован мартом 1940-го года и помечен как «Дневник № 2».²² Таким образом, автору «Дневника № 1» максимум 15—16 лет, и, возможно, что он начат после возвращения в СССР в 1939 году. Первый известный нам дневник А. С. Эфрон с пометами М. И. Цветаевой — март 1919 года,²³ Але — восемь лет. Параллельно с этим она делает записи в дневниках матери, и это разрешается и поощряется. Логично предположить, что и собеседником ранней юности самой Цветаевой был дневник. В этом случае в «Юношеских стихах» мы имеем дело с поэтическим выражением существовавшего, но утраченного дневника, и можем только догадываться, что стало побудительной причиной уничтожения дневниковых записей 1913—1915 годов.

В самой книге манифестом поэтического дневника становится стихотворение «Радость всех невинных глаз...», из которого карандаш поэта-редактора удаляет,

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед.хр. 21. Л. 5, 6.

¹⁵ Там же. Л. 31.

¹⁶ Там же. Л. 50.

¹⁷ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 39, 40, 42.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 41.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 43.

²⁰ Цветаева М. И. Записные книжки: В 2 т. М.: Эллис-Лак, 2001. Т. 1. С. 138.

²¹ Полякова С. В. [Не]закатные оны дни: Цветаева и Парнок. Ann Arbor: Ardis, 1983. С. 54.

²² РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 219.

²³ Там же. Ед. хр. 244.

как ненужное отступление, две первых строфы. На первый план выносятся метод лирической детализации.²⁴

**«Радость всех невинных глаз...»
(до правки 1919/1920 годов)**

Радость всех невинных глаз,
— Всем на диво! —
В этот мир я родилась —
Быть счастливой!

Нежной до потери сил,
... ..
Только памятью смутил
Бог — богиню.

**«Помню ленточки на всех детских шляпах...»
(после правки 1919/1920 годов)**

Помню ленточки на всех
Детских шляпах,
Каждый прозвеневший смех,
Каждый запах.

Каждый парус вдалеке
Жив — на муку.
Каждую в своей руке
Помню руку.

Начиная работу над сборником в декабре 1919 года, Цветаева выстраивает из отдельных стихотворений дневник поэта, следуя четкому плану. Книга открывается эпиграфом («Моим стихам, написанным так рано...»), в котором на очень высокой ноте утверждается уникальность любого мгновения жизни поэта («...что и не знала я, что я — поэт...»), абсолютно независимого от внешней шкалы его «содержательности».

Далее — цикл из шести стихотворений, посвященных Петру Эфрону. Первые четыре стихотворения написаны ему при жизни, остальные два — после смерти. Несмотря на значительные временные разрывы (7 июня — 28 июня — 12 июля — 16 июля — 30 августа — 4 октября), цикл читается на одном дыхании. Выстраивается фабула их отношений: первая встреча в Москве — дача, надежда на выздоровление — больница — смерть.

В реальности первая встреча Цветаевой и вернувшегося из эмиграции Петра Эфрона произошла в Москве 5 июня 1914 года. На следующий день она отправляет ему первый вариант стихотворения «День августовский тихо таял...», значительно расходящийся с включенным в «Юношеские стихи». Сравнивая два текста, мы можем выделить правку 1919 года: замену строк («закрепляют каждый жест»), слов и целой строфы.

**Вариант, приложенный к письму
П. Я. Эфрону 6 июня 1914 года²⁵**

Но было сразу обаянье
— Пусть этот стих к(а)к сердце прост!
Но было дивное сиянье
Двух темных звезд.

Я героически боролась
— Мы с Вами даже ели суп —
Я помню несказанный голос
И очерк губ,
— «А Вам не вредно столько перца?»
Я вдруг вздохнула тяжело,
Но что-то до сих пор от сердца
Не отлегло.

**«Юношеские стихи»
(рукописная редакция зимы
1919—1920 годов)²⁶**

И было сразу обаянье.
— Склонился, королевски-прост! —
И было страшное сиянье
Двух темных звезд.

Я героически боролась!
— Мы с Вами даже ели суп! —
Я помню заглушенный голос
И очерк губ.
В полоборота, в полумраке,
Смеюсь, сама не ожидая:
— «Глаза породистой собаки,
Прощайте, граф!»

Казалось бы, «День августовский тихо таял...» — не совсем подходящее начало для стихотворения, написанного 6 июня. Разрыв между двумя календарями —

²⁴ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 21.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2962. Оп. 1. Ед. хр. 353. Л.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 45—46.

фактическим и поэтическим — отмечен в исследовании С. В. Поляковой, посвященном другому внутреннему циклу «Юношеских стихов»: «В „Подруге” Цветаева пользуется двумя резко противоположными методами. С одной стороны, действительность воссоздается „фотографическим” способом, высокой достоверностью передачи реалий и состояний души, с другой — в изображаемое для придания ему большей выразительности вносятся коррективы, заменяющие правду реальности не менее правдивой правдой идеи. (...) Цветаева заботливо фиксирует день, место и время действия. Мы узнаем, что дело происходит зимой, в Москве, указана даже улица — Большая Лубянка, в восьмом часу вечера; эта осторожность последнего определения — неуверенное, приблизительное „часу в восьмом” создает иллюзию щепетильной добросовестности рассказчика. Стихотворение помечено 26 октября (ст. стиля) 1914 года. (...) Холод, зима, снег — все это метафоры нелюбви, охлаждения, измены, а не достоверные фенологические приметы этого вечера».²⁷ Этот прием используется в «Юношеских стихах» неоднократно. В нашем случае августовский день в июне — это один из немногих дней непоправимо уходящего лета, один день из двух последних месяцев стремительной жизни Петра Эфрона.

В лирическом дневнике Цветаевой датировка подчинена последовательности событий; стихотворения нередко на несколько дней «опережают» календарь или «отстают» от него. Первая редакция «Юношеских стихов» не случайно собрана автором из отдельных листов, на каждом из которых записано стихотворение и помечена дата. Взрослый поэт выкладывает из календарных листочков свою последовательность событий, «красным карандашом» проходя по юношескому дневнику и нумеруя страницы.

В первой редакции цикл «П. Э.» состоит из шести стихотворений. Во второй — из семи. Седьмое, «Милый друг, ушедший дальше, чем за море» (5 июня 1915 года), в первой редакции вынесено Цветаевой за пределы цикла и размещено в соответствии с датировкой. Таким образом, в сборнике они находятся среди стихотворений, посвященных Софье Парнок. В «Юношеских стихах» сюжетная линия Цветаева — Парнок «датирована» 16 октября 1914 года — 6 октября 1915 года, хотя реальные отношения начались чуть ранее, а закончились три месяца спустя, в начале 1916 года.

Педантичное следование датам здесь объяснимо. Последнее стихотворение Петру Эфрону написано ровно через год после их первой встречи,²⁸ оно окончательно закрепляет за Цветаевой этот день. На протяжении шести строчек корневая часть слова «память» повторяется трижды.

Я обманута и я обокрадена, —
Нет на память ни письма, ни кольца!
Как мне памятна малейшая впадина
Удивленного — навеки — лица.

Как мне памятен просящий и пристальный
Взгляд, поближе приглашающий есть...²⁹

Сохранение «дневникового» расположения стихотворений ставит память выше текущего потока событий. «Живая память» не отменяет пестроты пережива-

²⁷ Полякова С. В. [Не]закатные оны дни: Цветаева и Парнок. С. 81—83.

²⁸ Связь этого стихотворения с остальным циклом просматривается только в первой редакции. При перепечатке стихотворения «День августовский тихо таял» для второй редакции поставлена дата не «7», а «17» июня. При переносе даты теряется связь 5 июня (встреча) — 6 июня (черновик стихотворения) — 7 июня (беловик). Поэтому возвращение к памяти Петра Эфрона 5 июня 1915 года делается не совсем понятным. В дальнейшем эта дата повторена во всех подготовленных на основе второй редакции и ее списков изданиях: *Цветаева М. И.* 1) Неизданное: Стихи. Театр. Проза. С. 50; 2) Стихотворения и поэмы. С. 65; 3) Собр. соч. Т. 1: Стихотворения. С. 207.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 42.

ний, а создает над встречами-расставаниями, любовями, сменой интересов и стихотворений пространство для глубокого родства, ради которого по Цветаевскому календарю все происходит и совершается.

Два внутренних цикла (явный — Петру Эфрону, скрытый — Софье Парнок) образуют каркас книги, на который накладываются «стихотворения дня» — Наполеону, юной бабушке, Ахматовой, Минцу, Асе, коту Кусаке, своему предтече, который может был, а может и не был скрипачом.³⁰ Разрыв и поиск новой привязанности (в дневнике все вместе) переплетается с темой прощания («...любвиницы читают ли, Овидий?! / — Твои тебя читали ль?..»)³¹ и смерти автора, звучащей все отчетливее при приближении к 26 сентября 1915 года.

День рождения в дневнике обычно становится днем подведения неких итогов, прожитого года или прожитых лет. Накануне написано стихотворение о расставании с героем юности («Лорд Байрон»), которое переживается Цветаевой не как ее, повзрослевшей, отказ от прежних героев, а как их уход от нее в страну юности, где они, вечно молодые, пребудут с поэтом-ровесником. Стихотворение проникнуто тоской неизбежной разлуки, его тональность близка плачу покинутой возлюбленной. Оно так и не было завершено. Характерные для творческого перфекционизма Цветаевой лакуны³² останутся и в черновике 25 сентября 1915 года, и в редакции 1919/1920 годов.³³ В 1940 году Цветаева исправит последнюю строфу, но потом исключит стихотворение из второй редакции.

Лорд Байрон! — Вы меня забыли!
Лорд Байрон! — Вам меня не жаль?
На _____ плечи шаль
Накидывали мне — не Вы ли?
И кудри — жесткие от пыли —
Разглаживала Вам — не я ль?

Чьей арфы _____ аккорды
Над озером — скажите, сэр! —
Вас умиряли, кондотьер?
И моего коня — о, гордый!
Не Вы ли целовали в морду,
Десятилетний лорд и пэр?

Пожалуй, единственный раз М. И. Цветаева изменит своему методу и откажется от сохранения в тексте лакун вместо использования «проходных» слов, исправляя строфу стихотворения «Ты проходишь своею дорогою...» для второй редакции «Юношеских стихов». В поисках эпитета для неувядающей красоты Цветаева пять лет оставляет строку незавершенной (редакция 1919/1920 годов). Затем она внутренне соглашается на несовершенную замену и вписывает в пятую строфу само слово.

**Рукописная редакция
1919/1920 годов³⁴**

_____, не увянешь за-лето!
Не цветок, стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого,
Увезенный — с какого острова?

**Машинописная редакция с правкой
М. И. Цветаевой 1940 года³⁵**

Красота, не увянешь за лето.
Не цветок — стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого,
Увезенный — с какого острова?

³⁰ «Какой-нибудь мой предок был скрипач...» (Там же. Л. 43).

³¹ Там же. Л. 54.

³² О лакунах в беловых тетрадах М. И. Цветаевой см.: *Хачатурян Л. В.* «Здесь, в небесах»: Новые технологии аутентичной публикации рукописей // *Русская литература.* 2015. № 3. С. 148—152.

³³ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 50. При цитировании этого стихотворения здесь и далее подобные лакуны отмечаются нами подчеркиванием.

³⁴ Там же. Л. 28.

³⁵ *Цветаева М. И.* Неизданное: Стихи. Театр. Проза. С. 69.

В 1919/1920 годах из двух «каркасных» циклов «Юношеских стихов» заглавие дано только одному — «П. Э.». Пятнадцать посвященных Софье Парнок³⁶ стихотворений не только разделены другими стихами, но не имеют ни общего названия, ни посвящения. В 1940-м году эти названия появляются: сначала — «Ошибка», потом «Подруга». В первом случае М. И. Цветаева использует заглавие своего раннего стихотворения (зима 1910/1911 годов), написанного после отказа на предложение Эллиса (Л. Л. Кобылинского). Видимо, строки этого стихотворения («Нельзя мечту свою хватать руками, / Нельзя мечту свою держать в руках...»)³⁷ были слишком прямолинейны, и она остановилась на нейтральном варианте. В чем же заключается различие между циклами Петру Эфрону и Софье Парнок, и почему оно столь существенно в 1920-м году и совершенно исчезает в 1940-м?

Вероятно, дело не в попытке Марины Цветаевой скрыть адресата.³⁸ Петр Эфрон был столь же «неподходящей» кандидатурой, тем более что 1940-й год был в этом плане гораздо жестче и 1914-го, и 1920-го. Здесь речь идет не о самоцензуре. Возможно предположить, что для создания цикла было необходимо завершение отношений, которые для Цветаевой, как стихи, как текст, должны были быть окончательно решены, «сделаны», неизменны. Ссора, расставание — остановка в работе, к которой автор может вернуться или не вернуться по своему желанию. Смерть или невозможность встречи «здесь, на земле» — точка, поставленная свыше. Поэтому Цветаева так отзывается на смерть поэтов-современников: Блока, Маяковского, Волошина. Петр Эфрон умирает 28 июля 1914-го, «в середине» цикла. Четыре стихотворения посвящены ему при жизни, далее следуют два стихотворения-реквиема и через год стихотворение-память. Цикл получает название сразу. Софья Парнок умерла 26 августа 1933 года, в 1919/1920 году стихи еще не выделены и не названы. В 1940-м весь путь пройден, и ему можно дать название.

Сложно сказать, что именно стало интенцией последней правки «Юношеских стихов». Марину Цветаеву 1940 года и юного автора стихов разделяет 25 лет. Книгу составляет поэт, для которого, по словам М. Л. Гаспарова, «уже не было задач, которые нужно было решать в слове, а только такие, которые нужно было решать с помощью слова и по ту сторону слова».³⁹

В качестве основы для новой редакции М. И. Цветаева берет машинописный текст 1920 года,⁴⁰ включающий также стихотворения 1913-го и ноября-декабря 1915 года. Книга увеличивается. Вместо 53 стихотворений первой рукописной редакции во второй — 69. В книге уже пять циклов, посвященных ушедшим — умершим или арестованным («Асе», «Сергею», «Але», «П. Э.», «Подруга»), удалены названия некоторых стихотворений («Легкомыслие», «Ложь»), заполнены лакуны. Но главное изменение коснулось взаимоотношений с читателем. Цветаева одновременно хочет быть понятой и не стремится быть понятной. Она усложняет строфы, меняет строки, перемещая смысл фразы в подтекст.

³⁶ Во второй редакции в цикл «Подруга» входит 15 стихотворений. В списке, выполненном А. Е. Крученых, в цикл входит 17 стихотворений.

³⁷ *Цветаева М. И.* Собр. соч. Т. 1. С. 64.

³⁸ О реальных и мифологических адресатах поэтических циклах Цветаевой см.: *Круглова Т. С.* «Адресованная» лирика Марины Цветаевой: коммуникативно-жанровый аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. См.: <http://cheloveknauka.com/v/238130/d#?page=1> (дата обращения: 30.05.2016).

³⁹ *Гаспаров М. Л.* О русской поэзии. С. 137.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 21. Машинописная редакция с авторской правкой 1919/1920 годов красными и черными чернилами (первый слой) и 1940 года (второй). Первый лист отсутствует, остальные пронумерованы машинисткой. О характере правки во второй редакции см.: *Коркина Е. Б.* «О юношеских стихах» Марины Цветаевой. С. 125.

**Рукописная редакция
1919/1920 годов⁴¹**

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
Письмо в бесконечность. — Письмо в
беспредельность.
Письмо в пустоту.

**Список из архива А. Е. Крученых
с правкой М. И. Цветаевой 1940 года⁴²**

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
Письмо в бесконечность. — Письмо в
беспредельность. —
Письмо в пустоту.

Если строка или строфа не поддается правке, ее уже не откладывают для последующей работы, а просто убирают. Так снята третья строфа в стихотворении «Свободно шея поднята...». В первой редакции пять строф, во второй — четыре. Вот как выглядела эта строфа в редакции 1919/1920 годов:⁴³

Светло-коричневым кольцом
Слегка оттенены,
Владычествуют над лицом
Глаза, как две луны.

Этапы последней, жесткой правки лучше всего видны в стихотворении «Лорд Байрон», где Цветаева сначала снимает все лишнее, нарушая размер строфы в шесть строк, а потом просто отказывается от стихотворения целиком.

**Рукописная редакция
1919/1920 годов⁴⁴**

Кто, плача, пробовал о гладкий
Свой ноготь, ровный как миндаль,
Кинжала дедовского сталь?
Кто утащил мою перчатку?
Кто целовал мою перчатку?
— Лорд Байрон! — Вам меня не жаль?

**Список, опубликованный в
Собрании сочинений⁴⁵**

Кто, плача, пробовал о гладкий
Свой ноготь, ровный как миндаль,
Кинжала дедовского сталь?
Кто целовал мою перчатку?
— Лорд Байрон! — Вам меня не жаль?

Точно так же Цветаева удаляет из книги стихотворение «И все вы идете в сестры». Новая правка настолько затрудняет чтение, что для понимания смысла фразы требуется обратиться к предыдущей редакции.

**«И все вы идете в сёстры...»
(редакция 1919/1920 годов)⁴⁶**

Вы креститесь у часовни,
А я подымаю бровь...
— Но вашей любви любовью
Стократ — моя нелюбовь.

**«И все вы идете в сёстры...»
(список, опубликованный в
Собрании сочинений)⁴⁷**

Вы креститесь у часовни,
А я подымаю бровь...
Но в вашей любви любовной
Стократ — моя нелюбовь.

Во второй редакции последовательное усложнение строки может изменить всю композицию стихотворения. Так, в списке из архива А. Е. Крученых исправленная строка уже не связывает, а разделяет две соседние строфы:

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 11.

⁴² Цветаева М. И. Неизданное: Стихи. Театр. Проза. С. 57.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 27.

⁴⁴ Там же. Л. 50.

⁴⁵ К сожалению, источник текста не указан. По ряду признаков (словосочетания на иностранных языках, вставка в стихотворении «Могу ли не вспомнить я...» и др.) можно предположить, что это машинописный список, сделанный А. Е. Крученых в 1940 году с последующей правкой Цветаевой. См.: Цветаева М. И. Собр. соч. Т. 1. С. 242—243.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 44.

⁴⁷ Цветаева М. И. Собр. соч. Т. 1. С. 239.

«Могу ли не вспоминать я...»
(машинописная редакция
с правкой 1940 года)⁴⁸

Я помню — над синей вазой, —
Как звякнули наши рюмки.
— «О будьте моим Орестом!»
И я Вам дала цветок.

Смеясь — над моей ли фразой? —
Из замшевой черной сумки
Вы вынули длинным жестом
И выронили — платок.

«Могу ли не вспомнить я...»
(список А. Е. Крученых
с правкой М. И. Цветаевой 1940 года)⁴⁹

Я помню — над синей вазой —
Как звякнули наши рюмки!
«О, будьте моим Орестом!»
И я отдала цветок.

С зарницею сероглазой
Из замшевой черной сумки
Вы вынули длинным жестом
И выронили платок.

И хронологически, и графически (два слоя правки), и даже географически (Коктебель — Москва — Берлин — Прага — Париж — Москва) «Юношеские стихи» Марины Цветаевой прошли долгий путь. Менялись стиль авторский правки, орфография, объем и сюжетные линии книги, появлялись новые циклы. Единственное, что оставалось неизменным во всех перипетиях правки — дневниковый строй сборника. Несмотря на двадцатипятилетнюю работу над рукописью, датировка самих стихотворений не меняется со дня их написания в 1913—1915 годах. И в первой, и во второй редакции «Юношеских стихов» Цветаева создает литературный памятник дневнику. Всем прожитым событиям, всем именам, ленточкам на детских шляпках. Душе поэта, оставленной в этом мире.

⁴⁸ Коркина Е. Б. «Юношеских стихах» Марины Цветаевой. С. 123—124.

⁴⁹ Цветаева М. И. Неизданное: Стихи. Театр. Проза. С. 70—71.

© С. И. Межеричкая, © М. В. Рождественская

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВСЕВОЛОДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Поэзия Всеволода Рождественского — при довольно широкой известности в советскую эпоху и общепризнанном мастерстве автора — в последние десятилетия почти не привлекала к себе внимания не только массового читателя, но и профессиональных литературоведов. Сегодня лирический голос В. А. Рождественского, по праву считавшегося когда-то одним из самых петербургско-ленинградских поэтов,¹ может показаться не самым громким в хоре других поэтических голосов, звучавших на протяжении предшествующей эпохи. Однако его творчество, всегда развивавшееся в русле классической русской поэзии, заслуживает, тем не менее, более внимательного изучения.² Литературное наследие поэта весьма обширно, и если поэтические произведения опубликованы почти полностью (хотя и не вполне в должной мере исследованы), то эпистолярная его часть еще ждет своего изучения

¹ См. выдержку из письма В. А. Рождественского к Г. В. Глекину 1974 года: «В глазах литературной Москвы я все же остался автором „местного значения“ с неизменным эпитетом „ленинградский поэт“, на что я никак не возражаю, т. к. все это связывает меня с городом, навсегда ставшим и жизненной, и литературной моей судьбой» (из семейного архива Рождественских).

² Это показала прошедшая 4—6 декабря 2015 года в Музее-квартире М. М. Зощенко международная научная конференция «Литература одного дома—2015», в ходе которой творчеству В. А. Рождественского была посвящена отдельная секция — в ознаменование отмечавшегося в апреле того же года 120-летия со дня рождения поэта.